Дарья Димке

Жизнь по законам искусства: утопическое зрение и героические сообщества (на примере Коммуны юных фрунзенцев)

Все попытки реализации утопических проектов (проектов глобального преобразования реальности или создания «с нуля» новых обществ) на государственном уровне неизменно терпели крах, наталкиваясь на то, что Д. Скотт определил как «метис»: особый род практического знания, которое невозможно было учесть и унифицировать в рамках утопической проектной логики. Причина краха утопических проектов городского планирования крылась в том, что их создатели пытались построить идеальный город, своего рода произведение искусства. Если для создания идеального города нужен не только архитектурный план, но и подходящие строительные материалы, то для создания идеального утопического сообщества нужно не только представление о том, какой способ человеческого сосуществования является идеальным, но и люди, готовые строить свою жизнь в соответствии с этим представлением. Для того чтобы создать такое сообщество, его члены должны относиться к жизни сообщества как к произведению искусства. Повседневность, то есть привычные действия, совершаемые автоматически, должна стать осмысленной. Идеальный город был невозможен без идеального архитектурного плана, идеальное человеческое сообщество без идеальных внутренних механизмов упорядочивания и контроля, которые не только превращали бы определенное количество людей в единый организм, но и трансформировали повседневность, выстраивая жизнь по модели искусства. Описанию и анализу практик воплощения утопии, на примере одного из утопических сообществ и посвящена данная статья.

Все попытки реализации утопических проектов (проектов глобального преобразования реальности или создания «с нуля» новых обществ) на государственном уровне неизменно терпели крах,

---

Дарья Димке — магистр антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, ассоциированный научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО, г. Иркутск).

наталкиваясь на то, что Д. Скотт определил как «метис»[1]: особый род практического знания, которое невозможно было учесть и унифицировать в рамках утопической проектной логики. Так, люди, которые заселяли идеально спланированные города, постепенно разрушали их пространство просто потому, что это пространство не отвечало их повседневным привычкам. Дихотомией понятию «утопия» стало понятие «практики» (своего рода родовое для таких понятий, как «метис», «тактики слабых», «практическое знание» и т. д.). В сущности, это противопоставление сводилось к райловской антимонии знания «что» и знания «как».

Причина краха утопических проектов городского планирования крылась в том, что их создатели пытались построить идеальный город, своего рода произведение искусства: «*Косвенно через утопическую традицию и непосредственно через более реалистическую доктрину искусства наложения модернистское городское планирование с самого начала было обременено неразумной целью превращения городов в упорядоченные произведения искусства*»[2].

Однако, если для создания идеального города нужен не только архитектурный план, но и подходящие строительные материалы, то для создания идеального утопического сообщества нужно не только представление о том, какой способ человеческого сосуществования является идеальным, но и люди, готовые строить свою жизнь в соответствии с этим представлением. И в первом, и во втором случае речь идет о создании своего рода произведения искусства. Создателям идеального города и создателям идеального сообщества нужно не только придумать модель, им нужно воплотить ее. Однако если в случае строительства города воплощение замысла связано с материальными объектами (деревом, бетоном, стеклом и камнем), то создатели утопического сообщества должны работать с принципиально иным строительным материалом — людьми. Для того, чтобы создать такое сообщество, его члены должны относиться к жизни сообщества как к произведению искусства. Повседневность, то есть привычные действия, совершаемые автоматически, должна стать осмысленной.

При этом речь не идет о разных проектах индивидуального жизнестроительства, поскольку этого недостаточно. Речь идет о такой модели человеческого сосуществования, все члены которой строили бы общую жизнь в соответствии с законами искусства: разумно,

1 Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005, с. 493–546.

2 Джекобс Д. Жизнь и смерть великих американских городов. Цит. по: Скотт Д. Указ. соч. С. 213.

гармонично и упорядоченно. Причем эту разумную гармоничную упорядоченность они должны были бы понимать если не одинаковым, то очень похожим образом. И, если для создания идеального города нужен был идеальный архитектурный план, то для создания идеального сообщества нужны были идеальные внутренние механизмы упорядочивания и контроля, которые не только превращали бы определенное количество людей в единый организм, но и трансформировали повседневность, выстраивая жизнь по модели искусства. Описанию и анализу практик воплощения утопии, на примере одного из утопических сообществ и посвящена данная статья.

Практикуя утопию: некоторые теоретические замечания

Исследования утопии, так или иначе, сводились к исследованию утопического зрения, то есть зрения, по большому счету, проективного. Так видеть могли только те, кто находился за пределами утопии, то есть жил в настоящем, для кого утопия была идеалом, прекрасным виденьем будущего, которого нужно было достигнуть. Носители утопического зрения — политики, философы, архитекторы — предельно ясно видели осуществленный утопический проект: воображаемое, построенное по научным законам, абсолютно прозрачное и рациональное пространство, но всегда находились вне его.

Следуя этой логике, утопическое зрение должно было исчезнуть в тот момент, когда утопический проект был бы реализован (то есть в тот момент, когда появились бы существующие практики утопического жития), поскольку оно было историчным по своей сути. Осуществление утопии представлялось как наступление абсолютного будущего, то есть конца времени и, следовательно, истории. Утопическое зрение, таким образом, не могло быть частью утопии, поскольку было по определению зрением историческим. В рамках этой исследовательской традиции исследования утопии воплощенной невозможно, поскольку утопическим может быть только способ мышления.

Утопический проект был возможен, утопическое сообщество нет. Невозможность исследования утопии определялось не столько отсутствием объекта, сколько отсутствием языка для его описания. Внимание исследователей по преимуществу было сосредоточено на реализации больших утопических проектов, главным образом градостроительных (таких, как Бразилиа). Эти проекты неизменно заканчивались провалом, в причинах которого и пытались разо-

браться социологи, политологи и философы. Прочие утопические проекты ускользали от внимания исследователей. Частично потому, что эти проекты, в сравнении с государственными, были достаточно маргинальными, и, как правило, были связаны не с созданием идеального городского пространства или идеальной модели государственного устройства, а с попытками воплотить утопию в небольшом сообществе. Крах этих проектов или, наоборот, их благополучная реализация оставались незамеченными. Вторая причина, по которой эти утопические проекты до сих пор не удостаивались пристального внимания исследователей, сводилась к тому, что оптика, используемая в рамках существующей исследовательской традиции, просто не позволяла их различить. Как отмечалось выше, «утопия» и «практики» стали понятиями взаимоисключающими, поскольку именно вторые делали воплощение первой невозможным. Однако небольшие утопические сообщества (такие, как киббуцы или советские воспитательные коммуны) каким-то образом существовали, воплощая избранный ими идеал человеческого сосуществования, то есть, некоторым образом, строя жизнь по законам искусства.

Каким образом утопия могла воплощаться на уровне практик, и что происходило с утопическим зрением внутри осуществившейся утопии? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, нужно концептуализировать утопические сообщества через практики, им свойственные.

К. Манхейм, работая в рамках интеллектуальной традиции, созданной М. Вебером и изучая идеологию разного рода сообществ и общественных движений, разработал концепцию утопии как особого вида мышления и виденья социальной реальности[1]. Утопическое мышление, по К. Манхейму, характеризуется особым отношением к реальности, которое направлено на кардинальное изменение порядка вещей и видит в реальности возможности такого изменения. Однако концептуальный аппарат Манхейма не предполагает анализа действий и практик носителей утопического мышления, ограничиваясь анализом их образа мышления и отношения к реальности. А. Макинтайр, занимаясь изучением обществ и сообществ, которые он назвал «героическими», предложил свое толкование понятия «практики», которое стало конституирующим для определения утопических сообществ особого рода.

Для героических обществ и сообществ характерно, что все его члены рассматривают определенный образ жизни как идеальный и стремятся к его воплощению. То есть, для этих обществ харак-

1 Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. Серия: Лики культуры, 1994.

терно мировосприятие, которое Манхейм обозначил как утопическое. При этом героическое общество определяется Макинтайром не столько через образ мышления, этому сообществу присущий (то есть идеологию), сколь через определенный способ действия (то есть через практики). Сообщества, для членов которых характерны ценностно-рациональные мотивы действия и идеологию которых можно определить как утопическую, могут не являться героическими. Различия между утопическими сообществами и сообществами героическими лежит не на уровне способа мышления и мотивации, а на уровне практик. Действия членов героического сообщества являются не только ценностно-рациональными по Веберу, эти действия ориентированы на то, что Макинтайр обозначил как «внутреннее благо».

«Внутреннее благо» неразрывно связано с определенной деятельностью: его можно достичь, только занимаясь ею. Именно достижение «внутреннего блага» составляет смысл практики. Что это значит? Макинтайр поясняет это на примере обучения ребенка игре в шахматы. Пока ребенок играет в шахматы только для того, чтобы получить вознаграждение (одобрение родителей, хорошую оценку и т. д.) или избежать наказания — он не «практикует» эту игру. Блага, которые он получает или не получает, играя в шахматы (похвала, награда или лишение сладкого) — внешние по отношение к этой практике. Он может получить или не получить эти блага, занимаясь любым другим видом деятельности. Однако если ребенок увлекается собственно игрой, то такие внешние стимулы как награда или наказание утрачивают для него свою значимость — в этом случае игра становится для него предметом практики. Он уже не стремится обмануть учителя или поскорее закончить партию и заняться более увлекательными делами, он играет ради самой игры, и то, что он получает в результате, и есть, по Макинтайру, внутреннее по отношению к этой деятельности благо. При этом практика ориентирована на конкретные исторические образцы, то есть предполагает соотнесение совершаемых поступков с этими образцами, включает «равнение на идеал», т. е. реализацию этого идеала в жизни, его непременное воплощение в повседневности.

Таким образом, мы можем разграничить сообщества утопические, для членов которых характерен особый вид мышления, но совсем необязательно характерны особого рода практики (их действия могут не быть практикой по Макинтайру, утопию можно воплощать любыми способами и средствами. Важен результат, личностное самосовершенствование не является обязательным условием воплощения утопии, оно может быть вообще не значимо в свете конечной общей цели) и героические сообщества, для членов которых личностное самосовершенствование есть непременное условие вопло-

щения утопии. Для таких сообществ особое значение имеют практики, направленные на контроль личного самосовершенствования, на соответствие личности избранному идеалу. Конечно, ребенок (и даже, возможно, взрослый) — вне зависимости от места жительства, вероисповедания и вкусов — имеет своих кумиров из числа героев его культуры, однако, в повседневной жизни он подражает этим героям, только если принадлежит к некоторой субкультуре, исповедующей определенные нормы поведения. В общем случае герои и их подвиги — это область мечты, а не реальной жизни; никто не ждет от ребенка таких же поступков, им нет места в повседневности. Так, христианин может восхищаться святыми, но он не стремится повторить их жизненный путь (и при этом остается «добрым христианином»). Однако члены утопических сообществ стремились к тому, чтобы их жизненный путь соответствовал жизненному пути их героев. Их идеалы были именно образцами для подражания, а не для восхищения или сублимации. Утопическое зрение внутри утопических сообществ не исчезало, напротив, оно становилось конституирующей практикой. Зрение внутри такого сообщества становилось эквивалентно действию.

На примере одной из таких практик мы проанализируем механизмы, которые посредством особой формы общения и контроля конституируют утопическое сообщество, воплощают утопию в повседневности — «утопическое зрение». Рассматриваемая нами практика называлась «откровенный разговор» и была частью коммунарской воспитательной технологии, разработанной в Коммуне юных фрунзенцев. Коммуна, появившаяся в Ленинграде в 1959 году, была одним из последних советских воспитательных экспериментов[1].

---

1 Коммуна создавалась как школа пионерского актива при фрунзенском районном пионерском штабе. Пионерские штабы (обычно при Домах пионеров) создавали городские (районные) советы пионерской организации. В штаб входили представители всех пионерских дружин города или района. Штаб должен был помогать районному или городскому совету пионерской организации улучшать работу пионерских дружин и отрядов — проводить соревнования, обучать пионерский актив новым формам работы и т. д. Объединение основал педагог-экспериментатор И. П. Иванов вместе с Ф. Я. Шапиро и Л. Г. Борисовой. Назвать объединение «Коммуной» в честь коммуны им. Горького, созданной А. С. Макаренко, предложил И. П. Иванов. Обратившись к опыту А. С. Макаренко и адаптировав его идеи, И. П. Иванов разработал ту воспитательную технологию, которая впоследствии, как набор символов, ритуалов и практик, получила название «коммунарской педагогики». Во время летних каникул коммунары выезжали за город, где занимались самыми разными делами: от прополки сорняков до установления обелисков героям Великой Отечественной Войны. Система самоуправления в Коммуне строилась следующим образом: каждый день во время сборов отряд выбирал нового дежурного командира отряда, а Коммуна нового

Идея о коллективизме и детском коллективе как идеальной среде воспитания была последовательно реализована в советской педагогике. Однако идея о самоуправляющемся детском коллективе оставалась периферийной. В этом плане Коммуна юных фрунзенцев особенно показательна, поскольку представляет собой некоторый идеальный тип, своего рода воплотившуюся воспитательную утопию, которая в советской официальной педагогике никогда не была реализована полностью.

Особые формы общения и контроля в «героических» сообществах

В тех сообществах, которые мы можем определить как героические по Макинтайру, как правило, возникают специфичные формы общения и контроля. А. Эткинд анализирует механизм «групповой критики» в американской общине Дж. Ноейса «Онеиде», когда члены общины, собравшись вместе, разбирали недостатки своих товарищей[1]. И. Гордеева описывает «критицизмы» в русских коммунитарных общинах второй половины XIX века, на которых общинники обсуждали «поведение, характер, поступки и даже настроения каждого отдельного члена в общих собраниях»[2]. Б. Беттельгейм пишет о подобной форме коммуникации в киббуцах: после школы, перед тем, как пойти в армию, группа подростков, которая провела вме-

дежурного командира Коммуны. Самоуправление и демократизм в Коммуне были исключительно важным моментом: никто (в том числе взрослые) не имел права не подчиниться дежурному командиру, при этом все бывали дежурными командирами по очереди. В начале шестидесятых годов коммунарское движение под эгидой газеты «Комсомольская правда» приняло всесоюзный характер. При этой газете московский публицист и педагог С. Соловейчик организовал «Клуб юных коммунаров», целью которого была организация взаимодействия с заинтересованными коммунарством читателями. В газете публиковалась страница «Алый парус». До определенного момента центральные комсомольские органы не препятствовали распространению коммунарских педагогических методик на правах «передового опыта». Центром такого всесоюзного распространения стал пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орленок», вожатые которого после «коммунарских» смен 1962–63 годов работали по новым методикам. Однако с середины шестидесятых годов негласным решением руководства комсомола движение, оказавшееся слишком самостоятельным и одновременно идеологически безупречным, было лишено режима благоприятствования.

1 Эткинд А. М. The American Connection, или Что делал Рахметов, пока не стал Шатовым // Знамя. 1997. № 1. С. 153–182.

2 Гордеева И. А. Коммунитарное движение в России в последней трети XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: РГГУ, 2000. С. 149.

сте всю свою жизнь, собирается, чтобы обсудить и оценить каждого члена группы[1].

Это особого рода разговоры, во время которых члены сообщества говорят друг другу и друг о друге вещи, говорить которые в повседневной жизни не принято. В обычном разговоре люди руководствуются само собой разумеющимися представлениями о вежливости и тактичности, смягчают оценки или избегают их высказывать, заботясь о «лице» друг друга. Из соображений вежливости может быть сказана только часть того, что думается, или сказано что-то такое, чего никто на самом деле не думает вовсе[2]. В условиях описываемых нами разговоров соображения вежливости и эта обычная забота о «лице»[3] друг друга выносятся за скобки, а высказывание нелицеприятных мнений, «срывание масок», наоборот, поощряется.

Подобная форма общения была и у коммунаров, она называлась «откровенный разговор». Во время «откровенного разговора» все члены отряда по очереди должны были «откровенно» высказать мнение друг о друге. Впервые «откровенный разговор» был проведен на летнем сборе 1960 года по предложению создателя Коммуны И. П. Иванова. В своей диссертации И. П. Иванов указывал «источник» этой практики: *«это вариант общего сбора первичного или микро-коллектива был „взят" нами из опыта нашего «предка» — Коммуны имени Дзержинского, описанного Антоном Семеновичем Макаренко в повести «Флаги на башнях»*[4]. По свидетельству И. П. Иванова, первый «откровенный разговор» проводился следующим образом: *«Завершился лагерный сбор <...> отрядными сборами, на которых по кругу говорили о каждом, о его достоинствах и недостатках, высказывая дружеские пожелания для самовоспитания»*[5]. Таким образом, «откровенный разговор» был особой церемониальной формой разговора, ограниченной как в пространстве (коммунарский сбор), так и во времени. То, что на нем говорилось, не должно было сказываться на «обычном» уровне общения.

В «откровенном разговоре» участвовали все, кто был на летнем сборе. Кроме того, наравне с детьми и подростками, в нем участвовали и взрослые. Во время «откровенного разговора» изменялся

1 Bettelheim B. The Children of the Dream. Avon Books, 1970. P. 262.

2 О теории «лингвистической вежливости» см.: Brown P., Levinson S. C. Politeness; Some Universal in Language Usage. Cambridge University Press, 1987.

3 О понятие «face» см.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

4 Иванов И. П. Творческое содружество поколений как условие воспитание юных общественников. Дисс. на соиск. степ. доктора пед. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1972. С. 370.

5 Там же.

«уровень общения»[1], то есть снимались все те социальные ограничения (особенно возрастные и статусные), которые в обычной жизни не позволяли сказать ближнему всю «правду» о нем.

«Откровенный разговор» устраивали в последний вечер сбора[2] в каждом отряде, после ежевечернего «огонька»[3]. «Завет» И. П. Иванова — *«всю правду в глаза»*[4] — продолжал соблюдаться: *«ты мог говорить беспощадно в лицо человеку гадости или, как казалось, справедливости. <...> Как ты себя вел, почему, как ты сказал это, если думал другое?»*[5]. Единственная деталь, о которой И. П. Иванов не упомянул в диссертации — у «откровенного разговора» должен был быть ведущий[6].

«Откровенный разговор» в советском обществе

Исследователи, занимавшиеся описанием и анализом таких коммуникативных форм, как «откровенный разговор», всегда отмечают, что эти формы возникают только в тех сообществах, которые мы определяем как «героические». Представителей «большого» общества эти формы шокируют. Так, «критицизмы», которые прак-

1 Интервью № 8 (м, прим. 1945 г. р.).

2 «Откровенные разговоры» бывали и между сборами: «Если это между сборами, *Коммуна же действовала между сборами, <...> могло быть, что мы встретились и договорились, что тогда-то будет „откровенный разговор". Когда назревала какая-то ситуация, потому что это же подростки, там конфликтных ситуаций было до одури». Интервью № 9 (ж, прим. 1949 г. р.).*

3 «Огонек» ежевечерний общий сбор Коммуны, на котором обсуждаются итоги прошедшего дня, после чего поют песни, устраивают маленькие представления («сюрпризы» отрядов друг другу) и т. п.

4 Иванов И. П. Указ. соч. с. 370.

5 Интервью № 10 (м, прим. 1949 г. р.).

6 Ведущий влиял на характер «откровенного разговора»: «Все зависело от характера „откровенного разговора", *от того, кто его ведет. У нас Гуля — она вообще человек мудрый — и у нас вот такого «битья» никогда не было. <...> Если говорили о каких-то недостатках, говорили корректно». Интервью № 16 (ж, прим. 1952 г. р.).* Кроме того, так как «откровенный разговор» проводился по отрядам, многое зависело и от отношений в отряде. См., к примеру, воспоминания о том, как проводили «откровенный разговор» в отряде «Алтай»: «если в отряде он был организован нормально и правильно, то там — даже обижаясь — все равно внутри наступало вот это облегчение, или сомнение, или последействие, которое помогало становиться людям на самом деле. Я вам скажу, как это было в „Алтае". *Иногда мы говорили очень жесткие вещи кому-то, но, так как мы все друзья, то, чтобы не сделать кому-то больно — если кого-то заносило в сторону — то кто-то другой, кто сидит рядом, он обязательно пытался это сгладить, найти что-то хорошее». Интервью № 9 (ж, прим. 1949 г. р.).*

тиковались в общине В. Фрея, вызывали удивление даже у членов революционных кружков. В. Бартенев отзывался о коммуне Фрея как о *«странной коммуне, где люди, насколько я помню, должны были публично каяться по субботам или по воскресеньям в содеянных за неделю прегрешениях, словом или помыслами,* <эта коммуна> *представлялась нам какой-то неискренней пародией»*[1]. Что же касается подобных практик в киббуцах, то они были распространены только в киббуцах левого крыла. Однако советское общество, в отличие от российского общества второй половины XIX века или израильского общества середины XX, было пронизано подобными формами общения. Ничего необычного для жителей Советского Союза в них не было. Начиная от школьных проработок и «ленинских зачетов» и заканчивая разными формами публичной критики и самокритики, с практиками такого рода советские граждане знакомились еще в детстве, в них они участвовали всю сознательную жизнь.

Однако и руководители Коммуны, и коммунары все время подчеркивали исключительность такой формы, как «откровенный разговор». Если прочий опыт, полученный на сборах (это касалось в том числе и новых форм работы) коммунары должны были распространять в школах, но «откровенного разговора» это не касалось. И в интервью, и в источниках 1960-х годов неоднократно подчеркивалось, что эта практика была возможна только в Коммуне с ее особыми отношениями. Так, в определении «откровенного разговора», приведенного в конце книги «Фрунзенская коммуна», указывается, что *«откровенный разговор проводится с разрешения ревкома в самых дружных отрядах»*[2].

На первый взгляд, схожесть «откровенного разговора» и, к примеру, собрания классной комсомольской ячейки, где присутствовал учитель и разбирались личные дела нарушителей — неуспевающих, хулиганов и т. п., кажется очевидной. Такие практики уже были в жизни советского школьника, ничего нового для него в этой форме коммуникации не было, она никого не могла ни удивить, ни шокировать.

Если мы обратимся к интервью, то столкнемся с противоречием. Так один из информантов характеризует «откровенный разговор» как *«форму общения безумную абсолютно! Где каждый говорил каждому*

1 Бартенев В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х гг. // От народничества — к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.). Л., 1987., с. 170 // Цит. по: Гордеева И. Указ. соч. С. 135.

2 Фрунзенская Коммуна. Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими/Сост. С. Соловейчик. М.: Детская литература, 1969. С. 168.

все, что он о нем думает! Вслух, принародно! Это было нечто совершенно особенное! Да и отношения, соответственно, между нами строились совершенно особенные. Пожалуй, ничего — ни до, ни после, никогда — я такого не испытывал»[1]. «Безумность» этой формы общения сегодня можно оценить и понять — с точки зрения другой эпохи и другой культуры, но что в ней «безумного» с точки зрения человека, прожившего большую часть своей сознательной жизни в Советском Союзе? Никто из наших информантов не сопоставил «откровенный разговор» ни с одной из подобных ему советских практик, хотя эти практики по разным поводам упоминались в интервью. Их сопоставление нам удалось обнаружить только в книге «Фрунзенская коммуна», и это сопоставление было контрастным: «это совсем не <...> похоже на обычную проработку. *Когда тебя „обсуждают" в школе, то все почему-то вдруг превращаются в твоих врагов, и еще долго трудно смотреть в глаза товарищам. А здесь так: каждый сказал, что думает о тебе, и кончено*»[2].

Опираясь и на источники 1960-х годов, и на сегодняшние интервью, можно сказать, что коммунары описывают «откровенный разговор» так, как будто бы не замечают его очевидного сходства с целым рядом практик, существующих в Советском Союзе. Разница между «откровенным разговором» и подобными ему советскими практиками заключается в контексте их функционирования. Мы можем предположить, что эти формы коммуникации по-разному работают в «большом» обществе и тех сообществах, которые мы, следуя А. Макинтайру, определяем как героические. В таком случае, для того, чтобы понять, как работал и какие функции выполнял «откровенный разговор», мы должны сравнить его не с теми советскими практиками, в ряду которых его, казалось бы, логично рассматривать, а с практиками «героических» сообществ, которые не просто похожи на него типологически, но и совпадают по контексту функционирования.

«Откровенный разговор» как несоветский ритуал

Одна из функций особых коммуникативных форм, возникающих в «героических» сообществах — это удовлетворение потребности членов такого сообщества в эмоциональной связи со «значимыми

1 Интервью №15 (м, прим. 1947 г. р.).

2 Фрунзенская коммуна. с. 24. Заметим, что здесь речь идет о проработке не на «откровенном разговоре», а на «огоньке». Однако, в данном случае, это не так важно, поскольку в исключительных случаях (а в цитируемом рассказе речь идет именно о таком) «огонек» включал в себя «откровенный разговор».

другими». Специфика этих форм коммуникации состоит в том, что в них не могут участвовать «случайные» люди. Так, к примеру, в киббуцах подобное обсуждение проводится в кругу тех, кто прожил вместе всю сознательную жизнь. А И. Гордеева отмечает, что успешное функционирование института «взаимной критики» возможно *«лишь в том случае, когда общинники действительно разделяют единую систему ценностей, когда группа достигла относительной гомогенности верований, выработала общую норму, имеет признанного лидера, когда в ней установилась атмосфера доверия и взаимопомощи»*[1]. Коммуникация такого рода может быть успешной, то есть выполнять свои функции только при соблюдении этого условия.

Однако такая «взаимная критика» в коллективах другого рода, образованных по формальному признаку (школьный класс, трудовой коллектив и т. п.) оказывается невозможна. Школьная «проработка», разоблачительное комсомольское собрание или «чистки» (и в гораздо более мягких формах — так называемый «ленинский зачет» в 1970-е) при всей внешней похожести на «откровенный разговор» существенно отличаются от него. В сущности, «откровенный разговор», в отличие от упомянутых выше форм — несоветский ритуал.

Возьмем типичный советский ритуал: пионерский сбор, в котором участвуют все члены пионерского отряда, и где имеет место «проработка» проштрафившегося ученика. Пионерский отряд равен школьному классу, членство в нем школьника нечто само собой разумеющееся. В свою очередь школьный класс — абсолютно формальная единица, принцип объединения в который задан исключительно возрастом. Это объединение, отбор в которое происходит по внешним (формальным) признакам. Участники обсуждения не значимые для провинившегося люди, а члены формальной общности (в данном случае, возрастного класса). При этом школьная проработка, как правило, инициируется учителями или пионервожатыми, то есть старшими, которые присутствуют на ней и играют роль даже не арбитра, а судьи.

У проработки и «откровенного разговора» разные сценарии: место действия, количество действующих лиц, их роли в этих формах коммуникации различны. Если в «откровенном разговоре» и подобных ему формах общения «заняты» (обсуждаются) все члены коллектива, то в школьной проработке «задействованы» провинившийся ученик и обвиняющий учитель. В сущности, сценарий проработки включает только две-три роли: учитель-судья, ученик-обвиняемый, ученик-активист (помощник судьи). Все остальные участвуют в проработке как зрители. Конечно, в каком-то смысле, они тоже являются участниками, поскольку одна из целей прора-

1 Гордеева И. Указ. соч. с. 149.

ботки — воспитательное воздействие на коллектив. Любой из зрителей может превратиться в участника, если встанет и выскажется. Однако, следуя сценарию, содержанием высказывания должно быть осуждение товарища: целью такого рода высказывания была, как правило, демонстрация лояльности. Таким образом, превращение из зрителя в участника предполагало превращение его в судью.

В таких формах взаимодействия как «откровенный разговор» вообще не предусмотрена роль судьи. И обсуждение в киббуцах, и «откровенный разговор», и «критицизмы» подразумевают равенство (и активное участие) всех членов коммуникации. Именно поэтому учитель, сохраняя свой статус, не может ни инициировать такую коммуникацию, ни участвовать в ней, в том числе и потому, что он не является членом пионерского сообщества. Что касается «места действия», то в «откровенном разговоре» — это сообщество единомышленников, чувствующих групповую когезию, а в проработке — объединенное по формальным признакам сообщество.

В определенном смысле проработка или чистка — это имитация «откровенного разговора»: «откровенный разговор» должен проводиться только в коллективе значимых других, и только в таком коллективе он вообще возможен, в то время как чистку или проработку используют как средство создания коллектива. Участники советских ритуалов вынуждены делать вид, что являются членами коллектива, состоящего из значимых других, в котором возможны формы общения, подобные «откровенному разговору». Заметим, что в итоге чистки действительно рождается коллектив, но совершенно другого типа: жертва чистки не только играет роль козла отпущения, она связывает участников этого ритуала в единое сообщество.

Более того, если продолжить разворачивать нашу метафору, то и цель представлений, поставленных по этим сценариям, разная. Цель (функция) «откровенного разговора» — это укрепление и создание идентичности; совершенствование — посредством коллектива — участников этой процедуры. Цель проработки — наказание провинившегося ученика и воспитание всех, кто при этой процедуре присутствует.

«Откровенный разговор» носит регулярный характер, проработка всегда вызвана проступками конкретного человека и посвящена именно им. Конечно, известная регулярность не чужда и советским ритуалам, однако эта регулярность задана не внутренней логикой жизни сообщества, а спущенными сверху директивами: проступки и провинившиеся находятся всегда. В «героических» сообществах формы, подобные «откровенному разговору», не являются средством наказания, тем более индивидуального: на них обсуждают всех. Эти формы — в отличие от такого советского ритуала как чистка — не являются и средством выявления и изгнания в процессе

коллективного разбирательства и осуждения чуждых коллективу людей. Предполагалось, что в «откровенном разговоре» нуждаются все участники Коммуны, независимо от их статуса и заслуг, поскольку «откровенный разговор» *«смывает наросты грязи»*[1] с характера каждого. «Откровенный разговор» рассматривался как средство личного очищения, необходимого каждому, чистка — как очищение советского коллектива от врагов, вредителей и классово-чуждых элементов.

Итак, «откровенный разговор» и подобные ему формы общения существуют только в сообществе единомышленников, связанных чувством групповой когезии. Именно поэтому члены подобных Коммуне сообществ воспринимали все, что они слышали во время таких разговоров, абсолютно серьезно. По этой же причине таким формам общения всегда присущ очень сильный эмоциональный накал: участнику такого сообщества не все равно, что думают о нем участники обсуждения, потому что это значимые для него люди. Поскольку класс (или трудовой коллектив) в общем случае такой группой не является, подобные формы там невозможны. При этом коммунары и члены других героических сообществ старались никогда не пользоваться «откровенным разговором» как способом сведения личных счетов. Так, И. П. Иванов в своей диссертации специально отмечал, что *«коммунары всегда поправляли бравших неправильный, нетоварищеский тон»*[2]. В то время как именно такое использование зачастую было свойственно тому советскому ритуалу, разновидностью которого были как проработка на пионерском собрании, так и чистка.

В разных контекстах (общесоветский коллектив и коммунарский коллектив) функционируют внешне похожие, однако различные формы. Эти формы выросли из одного истока, поскольку Советский Союз задумывался как утопическое (героическое) общество. Однако контекст бытования этих форм в советском обществе и их функционирование делают очевидным разницу с «критизмами» у общинников или с «откровенным разговором» у коммунаров. Заметим, что эмоциональный накал был свойственен и этим советским ритуалам, однако эмоции, связанные с ними были несколько иного рода: от желания отомстить до страха за свое благополучие.

Однако, анализируя «откровенный разговор» как одну из ряда коммуникативных форм, свойственных «героическим» сообщест-

---

1 Казакина М. Г. Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности. Дисс. на соиск. степ. кандидата пед. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1967. Приложение к диссертации. Материалы к книге о Коммуне. С. 100.

2 Иванов И. П. Указ. соч. с. 371.

вам, мы сталкиваемся с противоречием. Это противоречие состоит в том, что членами Коммуны являются и дети, и взрослые, то есть люди, не равные по возрасту и статусу. При этом равенство — непременное условие этой формы коммуникации. Так, в киббуцах обсуждение проходит в среде подростков, в коммунитарных общинах в среде взрослых. Если «откровенный разговор» представляет собой такую коммуникацию, то отношения взрослых и детей в Коммуне должны быть отношениями равных (или, по крайней мере, восприниматься его участниками в качестве таковых).

«Героическая» концепция детства подразумевает не только равенство ребенка и взрослого, но и общность их мира, которая выражается как в общности ценностей, так и в общности практик и ритуалов. Это значит, что внутри данной концепции воспитания просто не могут существовать специальные детские коммуникативные или ритуальные формы: детские формы дублируют взрослые. Так, прием в партию, прием в комсомол и прием в пионеры представляют собой аналогичные ритуалы. Прием в пионеры и октябрята — в отличие, к примеру, от приема в скауты — это не особый детский ритуал со своей структурой и символикой.

Такая концепция воспитания является частью многих утопических проектов: общность ритуалов и практик детей и взрослых характерна как для киббуцев[1], так и для нацисткой Германии[2]. Однако любое «большое» общество разделено на возрастные классы, а коммуна как сообщество, объединяющее детей и взрослых — нет. Кроме того, руководители коммуны (шестидесятники) считали, что воспитание предполагает совместное улучшение мира детьми и взрослыми. Поэтому коммунарские практики и ритуалы были не просто аналогичны для детей и взрослых — они были общими: в них обязательно участвовали и дети, и взрослые, причем участвовали совместно.

Это касалось и «откровенного разговора». Взрослые принимали участие в «откровенных разговорах» вместе с детьми и подростками, которые, по замечанию И. П. Иванова, *«оценили свое равенство в этом разговоре: все о каждом, без всякого деления на „начальников“ и «рядовых», «старых коммунаров» и новичков, старших и младших»*[3]. Участие в «откровенных разговорах» рассматривалось коммунарами как признак «зрелости»: *«Вот уже второй год ей здорово достается на „от-*

1 См. Bettelheim B. Op. cit., а также Spiro M. E. Kibbutz. Venture in Utopia. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1975.

2 См., например: Lepage Jean-Denis G. G. Hitler Youth 1922–1945. McFarland & Company, Inc., Publishers. Jefferson, North Carolina, and London. 2009. P. 22.

3 Иванов И. П. Указ. соч. С. 371.

кровенных разговорах". Это первый признак того, что человек растет»[1]. «Откровенный разговор» для коммунаров и руководителей коммуны был свидетельством того, что взрослые и дети могут относиться (и относятся) друг к другу как равные, несмотря на разницу в возрасте, статусе и жизненном опыте: *«попадало» и взрослым, потому что обсуждали их тоже, вместе со всеми»*[2].

Важно заметить, что такие подчеркнуто неиерахические отношения не были характерны для советского общества, они воспитывались именно в коммуне. Сегодня в интервью, описывая необычность коммуны, информанты обязательно упоминают об особых отношениях детей и взрослых: *«Была необычность в том, что вожатые были не вожатыми, а друзьями отрядов*[3]*. Людьми самых разных профессий. И общение было совсем другого характера. Они не обладали полномочиями командира, а обладали полномочиями только друга»;*[4] *«Шестикласснику <...> можно на равных разговаривать с таким человеком как Игорь Петрович Иванов! Можно ему сказать: вы, Игорь Петрович, не правы! Или — <...> я буду! Я решил! Я считаю, что нужно делать так!»*[5]. При этом даже если в коммуне появлялись собственно учителя или вожатые, они также утрачивали, по выражению одного нашего информанта, «статус учителей»: *«Какие-то были из школ учителя. Но учителя моментально теряли статус учителей. У меня была учительница, забыл уже... а! И [...] В [...]! Видите, даже отчества не помню, хотя она была непосредственно моя учительница. <...> Но она абсолютно теряла статус учительницы. Не то, что я с ней переходил на фамильярные отношения. Этого тоже никогда не было, но и она никогда не чувствовала себя учительницей»*[6]. В контек-

1 Фрунзенская коммуна. С. 110.

2 Интервью № 10 (м, прим. 1949 г. р.).

3 Взрослые в Коммуне всегда назывались «друзьями»: «другом Коммуны», «другом отряда» или «друзьями отряда», если речь о нескольких взрослых, так или иначе причастных к конкретному коммунарскому отряду. Эти взрослые составляли отдельный коммунарский отряд, который назывался «Советом друзей». Возможно, это обозначение было позаимствовано из официального дискурса. В 1959 в постановлении IV пленума ЦК ВЛКСМ появляется выражение «совет друзей», которое относится к «родителям, ветеранам войны и труда, энтузиастам работы с детьми <...>, которые содействуют пионерской дружине в их работе». Из постановления IV пленума ЦК ВЛКСМ (февраль 1959 года). Об участии комсомольской организации в выполнении закона «Об укреплении Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»//Директивы и документы по вопросам пионерского движения. М.: Издательство академии педагогических наук РСФСР, 1962. С. 177.

4 Интервью № 12 (м, 1947 г. р.).

5 Интервью № 18 (ж, прим. 1945 г. р.).

6 Там же.

сте такого понимания отношений детей и взрослых участие взрослых в «откровенных разговорах» становилось не только возможно, но и необходимо.

Рассказывая об «откровенном разговоре» в интервью, информанты подчеркивают, что «откровенный разговор» был возможен только потому, что в Коммуне существовали «особые отношения». Эти «особые отношения» формировались во время сбора. Именно поэтому «откровенный разговор» проводили только в конце сбора, когда эти отношения уже возникли. Коммуникативные формы, подобные «откровенному разговору», возможны только в уже сложившемся коллективе. Так, в киббуцах обсуждения проводились только после окончания школы, то есть в группе подростков, воспитанных в киббуце и проживших вместе всю сознательную жизнь. Эти коммуникативные формы — часть особых отношений, воспитываемых в «героических» сообществах. Причем, так как эти формы возникают в самых разных «героических» сообществах, логично предположить, что они составляют неотъемлемую часть таких отношений. Что это за отношения?

Отношения в коммуне: «дружба» и «товарищество» у коммунаров

Когда в интервью заходит речь об особых отношениях в коммуне, коммунары всегда используют слово «дружба». Что же касается источников шестидесятых годов (дневников, писем, анкет), то там наряду со словом «дружба» активно используется слово «товарищество». Любопытно также, что, за исключением одного интервью, слова «товарищ» и «товарищество» коммунары не употребляют. Между тем, слово «товарищ» в 1960-е употреблялось весьма активно и несло важную (специфическую для коммунаров) семантическую нагрузку. Доступные нам источники 1960-х годов показывают, что «дружба/друг» и «товарищество/товарищ» в большинстве контекстов отличаются по значению. Попытаемся восстановить значения этих понятий в дискурсе коммунаров в 1960-е годы, понять, какого рода отношения описывают эти понятия, и что в этих отношениях делает «откровенный разговор» не только возможным, но и необходимым.

Как указывалось, «откровенный разговор» *«проводится только с разрешения ревкома в самых дружных отрядах»*[1]. Связь между особыми отношениями в коллективе и существованием этой формы взаимодействия была для самих коммунаров очевидной. Заметим, что иногда коммунары использовали слова «откровенно» и «дружески»

1 Фрунзенская коммуна. С. 168.

через запятую, в качестве своего рода синонимов, как, к примеру, в письме одного из коммунаров: *«Как мне не хватает Коммуны, ребят, тебя. Мне не с кем здесь даже просто дружески, „откровенно“ поговорить. Не хватает как кислорода. Как вспоминаю КЮФ, Ефимию, диспуты, откровенные разговоры и просто тот боевой, здоровый дух <...> — ну просто не могу терпеть. Хочется выть. Я пишу сбивчиво»*[1]. В коммунарских сборах в «Орленке» вожатые перед «откровенным разговором» объясняли его именно через апелляцию к дружеским отношениям: *«лучше друзей никто никогда ничего не скажет»*[2].

Однако, когда, работая с источниками 1960-х годов, мы сталкиваемся с использованием коммунарами слова «дружба», по контекстам его употребления становится понятно, что это слово несет особую, свойственную только членам этого сообщества, семантическую нагрузку. Если мы проанализируем контексты употребления слова «дружба» у коммунаров, то нам станет очевидно, что ассоциативные ряды, в которые это слово встраивается, отличаются от ассоциативных рядов слова «дружба», привычных для языка той эпохи[3].

Под «дружбой» коммунары понимают отношения совершенно особого рода, нигде кроме коммуны не существующие: как замечает в своем сочинении одна из коммунарок: *«школьная» дружба просто нелепо выглядела бы в коммуне»*[4]. Отрывок из рассказа коммунара, под названием «Мои пять лет», использованный в книге «Фрунзенская коммуна», также посвящен отличию коммунарской дружбы: *«До коммуны у меня был один друг. И все. Остальные приятели. <...> Они отличались от моих нынешних товарищей. <...> Через две недели исполнится пять лет со дня моего открытия коммуны. Пять лет приобщения к коммунарскому братству. За это время я разглядел товарищей не только по добрым их глазам, но и по добрым по отношению ко мне делам».* В процитированном отрывке, помимо понятия «друг», появляются два новых понятия — «приятель» и «товарищ». Причем эти понятия противопоставляются. Противопоставление слов «приятель» и «товарищ», а не, к примеру, слов «приятель» и «друг», показательно.

1 Казакина М. Г. Указ. соч. Приложение к диссертации. Из писем коммунаров. С. 109.

2 Интервью № 24 (м., прим. 1945 г. р.).

3 Об анализе понятия дружба в разных культурах, в том числе и русской, см. статью А. Вежбицкой «Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели «дружбы» в разных культурах в книге: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия). 2001. С. 63–210.

4 Фрунзенская коммуна. С. 154.

Заметим также, что отношения в коммуне характеризуются не как дружеские, а как товарищеские.

Один из наших информантов также определяет отношения в коммуне именно как «товарищеские»: *«Действительно была какая-то система ценностей, отношений товарищеских. Опять же утерянная почти. Или, опять же, это чаще декларировалось, чем вообще когда-либо в обществе было. Блок еще писал после революции, что стыдно слово „товарищ" произносить в кавычках, такое оно замечательное. Но это осталось ведь в виде пожелания. Все равно ничего не получилось. А там действительно это было»*[1].

Отметим, что слово «товарищ» для наших информантов в числе прочего служит отсылкой к революции и к ее неосуществленным идеалам. Характерно, что это слово, видимо, было очень значимо и для членов свердловского отряда «Каравелла». В стихах и песнях, написанных руководителем этого отряда — В. П. Крапивиным, это слово используется похожим образом. Например, в стихотворении «Испанская песня»: *«...И ты никого не слушай — /Никто не собьёт нас с ног./Бывает сильнее пушек/Характер — /стальной, как клинок./Мы встанем упрямо и строго:/Все сразу — /за одного./Не трогай,/не трогай,/не трогай/Товарища моего»*[2]. Или в песне «Пять минут тишины»: *«...Раскатилось и грохнуло/Над лесами горящими,/Только это, товарищи,/Не стрельба и не гром — /Над высокими травами/Встали в рост барабанщики,/Это, значит — не всё ещё,/Это значит — пройдём...».*[3] Заметим, что И. П. Иванов в своей диссертации также использует — помимо слова «друг» — слово «товарищ». Правда, если быть точным, он использует его множественное число — «товарищи». К этому слову он обращается в том случае, если ему надо подчеркнуть особый характер отношений в коммуне: *«отношение уважения и требовательности к участникам этих встреч, как товарищам* (выделение И. П. Иванова) *по общей творческой заботе об улучшении жизни <...> произвело сильное впечатление на школьников и старших пионервожатых»*[4].

---

1 Интервью № 12 (м, 1947 г. р.).

2 Стихотворение — часть одного из самых знаменитых романов В. П. Крапивина «Мальчик со шпагой». Впервые этот роман был опубликован в журнале «Пионер». Первая часть — «Всадники со станции Роса» в 1973 году (№ 5–7), вторая — «Звездный час Сережи Каховского» в 1974 (№ 3–6). Песня с нотами была опубликована в этом же журнале отдельно в 1975 году (муз. М. Протасова). Отрывок, который мы цитируем — третья часть песни, написанная в 1978 году специально для «Каравеллы».

3 Впервые песня опубликована с нотами в журнале «Пионер» в 1979 году в 12 номере. Использована в фильме В. Волкова 1982 года по одноименной повести В. П. Крапивина «Колыбельная для брата».

4 Иванов И. П. Указ. соч. С. 359. Конечно, песня с присущим ей пафосом, и диссертация как «научный» текст — это очень разные языковые жанры. Однако языки тоталитарных обществ стремятся к моноязычию. Это приводит

Слово «друг» для коммунаров означало только самых близких друзей, поэтому дружба была возможна и вне коммуны, а вот товарищество как особый стиль отношений — нет. Руководители коммуны считали, что их главная цель — создание именно такого стиля отношений: «*У меня четверо друзей. Это самые близкие мне люди. <...> Но только с друзьями мне было бы трудно. Все-таки четверо понимающих тебя, помнящих о тебе — очень мало. Иногда хочется побыть втроем, вчетвером, но гораздо чаще стремишься, что вокруг было 10, 30, 100. И не чужих людей — чтобы они знали тебя, волновались о тебе, приходили бы на помощь, улыбались. Коммуна дала мне 150 таких людей — 150 товарищей*»[1]. Главное отличие коммунарского товарищества от школьного приятельства было сформулировано одним из коммунаров предельно ясно: «*Главное отличие было в том, что сверстники довольствовались мною таким, каким я был, не заставляли меня быть лучше, не требовали от меня большего, чем я давал. Поэтому мы были только приятелями. (Школа, кстати, тоже довольствовалась и тоже не требовала)*»[2]. Товарищи-коммунары, соответственно, «требовали» и «не довольствовались». Как заметил в своем сочинении — правда, по другому поводу — один из первых коммунаров: «*Говорят от добра добра не ищут. Мы против! Часто даже для хорошего можно найти лучшее и мы ищем его*»[3]. В отличие от школьных «приятелей», коммунары видели в «товарище» «идеальное» и помогали ему осуществиться, то есть не жалели его сегодняшнего ради него завтрашнего[4]: «*К концу 1962 года на <...> „откровенном разговоре“ меня помыли, смыв наросты грязи с характера моего, и, помыв, стали одевать заново. Вот и до сих пор все одевают*»[5].

Таким образом, «откровенный разговор» должен был помочь коммунарам и членам коммуны выработать особый тип зрения: они должны были научиться видеть будущее в настоящем. Собственно, именно этот тип зрения являлся отличительной чертой социалистического реализма как особого типа мировоззрения, присущего новому миру. Писатели и художники, работавшие в его рамках,

к тому, что границы речевых жанров (в том числе и таких разных, как песня и научная статья) размываются, становятся взаимопроницаемы. Эту особенность тоталитарных языков анализирует в своей книге «Язык третьего рейха» В. Кемперер. См. Кемперер В. LTI. Язык Третьего Рейха: Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

1 Казакина М. Г. Приложение к диссертации. С. 85.

2 Фрунзенская коммуна. С. 159.

3 Казакина М. Г. Приложение к диссертации. С. 7.

4 И. П. Иванов цитирует в своей диссертации первый «откровенный разговор»: «коммунары <...> стыдили тех, кто <...> обижался на критику („Ведь ты можешь побороть и этот свой недостаток!“)». Иванов И. П. Указ. соч. С. 371.

5 Казакина М. Г. Приложение к диссертации. С. 100.

воспроизводили этот тип зрения в своих произведениях, которые должны были научить такому способу виденья всех советских граждан. Там, где писатель-реалист мог увидеть только убогость и нищету настоящего, соцреалист видел грандиозное будущее. Только человек, обладавший таким зрением, мог увидеть ростки великого будущего, которые пронизывали безрадостное, с точки зрения реалиста, настоящее. Произведения соцреалистов были посвящены исключительно этим росткам, все остальные составляющие реальности их мало интересовали и поэтому не находили художественного воплощения в их произведениях.

Этот тип зрения вырастал из советского мифа о «светлом будущем», который опосредовал понимание настоящего. Советские люди должны были быть уверены, что это будущее непременно наступит. Эта уверенность подкреплялась «научным» (марксистским) знанием исторических закономерностей. Опираясь на разделение типов обществ, предложенное А. Макинтайром, можно сказать, что этот тип зрения был присущ всем современным героическим сообществам, поскольку все эти сообщества, в отличие от обществ либеральных, воплощали свое представление об идеальном общественном устройстве, в справедливости которого были уверены. Наличие общей цели (воплощение идеального общественного устройства) меняло тип зрения. И если членам либеральных обществ был присущ «реалистический» тип зрения, то членам героических сообществ «утопический» (соцреалистический). Именно с точки зрения своего идеала они оценивали реальность, в которой учились видеть его постепенное воплощение. Во время подобных «откровенному разговору» форм общения участники утопических сообществ анализировали поведение друг друга в соответствие с этим идеалом, учились видеть друг в друге черты будущих «новых людей»: вырабатывали утопическое зрение.

В этом плане характерно, что такой советский ритуал как чистка апеллировал именно к «классовому чутью». Предполагалось, что «чутье» поможет выявить «классово чуждые элементы». «Чутье» — это, своего рода, «врожденный признак», его, в отличие от зрения, нельзя выработать, им можно только изначально обладать. Именно поэтому, «классово чуждые» элементы подлежали изоляции: если ошибки можно было исправить, а характер выработать, то социальное происхождение и «классовую сущность» изменить было нельзя. От таких людей настоящий советский коллектив должен был быть очищен (то есть избавлен).

«Откровенный разговор» должен был научить коммунара увидеть себя со стороны — глазами своих друзей: *«там не было, конечно, такого, что должен каяться. Но нужно было делать выводы какие-то. Ты мог ничего не ответить, ты мог промолчать. Но понятно было, что*

надо что-то с собой делать. Если один, второй, третий, все — уважаемые люди, которых ты любишь, тебе что-то говорили»[1]. Замечания товарищей должны были помочь коммунару «исправиться»: «*Казалось, что лучше становимся, <....> исправляемся»*[2]. Во время «откровенного разговора» коммунары учились быть товарищами — требовательными и беспощадными по отношению друг к другу. Такое отношение друг к другу И. П. Иванов в своей диссертации называл отношением *«требовательного уважения»*[3]. Именно уважение к будущему человеку, заключенному в человеке настоящем, делало возможным и необходимым «откровенный разговор».

Очевидно, что такое представление о товариществе, как и само товарищество, не были свойственны будущим коммунарам изначально, а становились результатом культивирования именно в коммуне. Только после того, как такие отношения сложились, «откровенный разговор» был возможен. Именно поэтому «откровенный разговор» проводился *«только в самых дружных отрядах»* и только в конце сбора. «Откровенный разговор» был своеобразным подведением итогов сбора. Поскольку на сборе они приобрели опыт «настоящей жизни» и «настоящей дружбы», то в конце сбора, став практически «новыми людьми», они готовы к новым отношениям, частью которых является «откровенный разговор».

Именно удавшийся «откровенный разговор» И. П. Иванов считал показателем того, что сбор прошел успешно[4], и что те отношения, которые должны были стать его результатом, появились: *«Эти беседы явились самым наглядным и убедительным проявлением развивающихся у наших воспитанников новых отношений требовательного уважения друг к другу»*[5]. По всей видимости, И. П. Иванов рассматривал участие школьников в летнем коммунарском сборе одновременно и как возможность «прожить» настоящую жизнь, и как «испытательный срок». Этот «испытательный срок» помогал определить, готов ли человек к новым отношениям и достоин ли он звания «коммунар»: *«коммунары принимали в свой круг только тех, кто вступал с ними в дружеские отношения, проходил испытательный срок и получал от них звание «коммунар»*[6].

Таким образом, «откровенный разговор» был для будущего коммунара последним звеном коммунарской инициации, той прак-

---

1 Интервью № 10 (м, прим. 1949 г. р.).

2 Интервью № 7 (ж, прим. 1948 г. р.).

3 Иванов И. П. Указ. соч. С. 73.

4 «Во всех отрядах состоялся действительно откровенный и дружеский разговор». Там же. С. 370.

5 Там же.

6 Там же. С. 375.

тикой, которая завершала лиминальный период[1] и — одновременно — задавала уровень последующих межличностных отношений в коммуне (максимальная требовательность к себе и другим и предельная откровенность).

Отношения внутри героического общества А. Макинтайр определяет как дружбу, которую мы *«должны рассматривать <...> как общее чувство граждан при осуществлении общего проекта <...>, общее чувство, воплощенное во многих случаях индивидуальной дружбы»*[2]. Вне героического общества такие отношения невозможны, в либеральном обществе слово «дружба» меняет свое значение — теперь это слово описывает не социальное устройство общества, а сферу личных взаимоотношений: *«Неудивительно, что дружба у нас отнесена к личной жизни, и поэтому ослаблена по сравнению с тем, чем была. <...> „Дружба" становится по большей части скорее именем эмоционального состояния, нежели названием социального или политического взаимоотношения»*[3].

Другими словами, дружба как *«социальное взаимоотношение»* возможна только в героических сообществах, цель которого *«реализация представления о человеческом благе»*[4]. Определение дружбы как *«разделяемого всеми осознания и преследования блага»* очень близко к тем отношениям, которые коммунары определяли как «товарищество». Цель «героического» сообщества — воссоздание определенного образа жизни. Достижение этой цели возможно только при условии, что все члены сообщества разделяют общее представление о благе и стремятся воплотить его в своей жизни. В этом случае поведение любого члена сообщества касается всех. Именно поэтому особые коммуникативные формы — органичная часть понимания дружбы в этих сообществах, будь то христианская община, киббуц или коммуна. Разберем несколько фрагментов «откровенных разговоров», для того, чтобы увидеть, как эти формы работают.

Обсуждения на «откровенном разговоре»

«Откровенный разговор» представлял собой обсуждение каждого с точки зрения соответствия нормам коллектива — того самого представления о разделяемом всеми благе, о котором говорил А. Макинтайр как о благе коллектива. Заметим, что идеология конкретного проекта («героического» сообщества) совершенно не важна. Эта

1 О понятии «лиминального периода» и «лиминальности» см.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983.

2 Макинтайр А. Указ. соч. С. 213.

3 Там же.

4 Там же. С. 212.

идеология может быть националистической, коммунистической или христианской. В качестве «коллективного блага» могут выступать самые разные ценности, а члены разных «героических» сообществ могут представлять себе идеальный мир прямо противоположным образом. Структура этих сообществ, их практики, формы общения и контроля напрямую не связаны с их идеологией, поскольку, вне зависимости от нее, остаются неизменными. Разбор на «откровенном разговоре» (также как на обсуждении в киббуце или на «критицизме» в общине) — это всегда разбор поведения каждого конкретного члена сообщества с точки зрения блага коллектива, как бы это благо не понималось. Поступки, которые оцениваются как неправильные — всегда поступки, которые тем или иным образом, «отвлекают» члена сообщества от коллектива, его нужд, радостей и ценностей.

Так, те дела, которые расцениваются как важные для коллектива, требуют участия всех членов сообщества. Приведем пример ситуации подобного рода. Он связан с маленьким сыном «друга коммуны» театрального режиссера З. Я. Корогодского, которого тот взял с собой на летний коммунарский сбор. Непосредственная участница этого конфликта вспоминает о нем в интервью: *«Помню, у нас был Зиновий Яковлевич Корогодский и его Данька, который к нам чуть ли не шестилетним ребенком попал. Его привезли в Ефимию, в деревню, в палатку спать. Но папа вообще тогда не думал об этом. Потому что он думал о творчестве, о Коммуне <...>. И с ним* (с Данькой) *надо было проводить время. Это шестилетний ребенок! И когда мы шли на поле, он не мог один! И так получалось, что Катя — моя подружка московская — и я <...> с ним играли, бегали, догоняли. Развлекали его. И в один прекрасный день на „откровенном разговоре" встал вопрос. Что вот мы полем сорняки, в этом турнепсе проклятом, а они бегают, играют с Данькой! Что за безобразие такое! Это же ужас! Они нарушают!.. А то, что с ребенком надо было заниматься, мы это не понимали в тот момент. Я помню, что тогда я была очень обижена»*[1]. Поводом для достаточно жесткого «откровенного разговора» послужило то, что две девочки, вместо того, чтобы заниматься вместе со всеми прополкой, следили за маленьким ребенком. Девочки не понимают, что коллективные дела важнее всего. Они ведут себя так, как вели бы, к примеру, на даче: развлекают ребенка приехавшего гостя. При этом они пренебрегают коллективные делами и, соответственно, коллективными ценностями. Один из «Законов Коммуны юных фрунзенцев» *гласил: «стал коммунаром — не пищи,/легкой работы себе не ищи»*. В разделе, посвященном трудовой деятельности коммунаров, мы уже упоминали о том, что они воспринимали свой сельскохозяйственный труд как жизненно необходимый для жите-

1 Интервью №22 (ж, прим. 1947 г. р.).

лей Ефимовского района[1]. Соответственно, в основное рабочее время (то есть днем) любая иная деятельность на летнем сборе расценивалась ими как внутренняя распущенность, неоправданная лень, то есть прямое нарушение их законов. Участники «откровенного разговора» оценивают такое поведение с точки зрения общего проекта: следуя коллективной коммунарской логике, сидеть с ребенком — это развлечение, деятельность, которая вообще не считается чем-то нужным. Коммунары не имеют право так бездарно тратить свое время, в то время, когда, по их мнению, «горят» колхозные поля[2]. С этой точки зрения девочки ведут себя неправильно, потому что отдают свое время и энергию не коллективному проекту. Они не понимают его общей логики, интерпретируют реальность через другой фрейм. «Откровенный разговор» служит своего рода камертоном, который настраивает его участников на общий лад, учит их мыслить изнутри коллективной логики.

На «откровенном разговоре» обсуждались и личные взаимоотношения коммунаров. О таком обсуждении рассказывается в одном из интервью: *«у меня уже был роман с Элкой. А я был председатель Совета коммуны. Мы уже повзрослее были, нам было лет пятнадцать-шестнадцать. И куда-то мы ездили ночью — из одного района в другой, на автобусе — какие-то позволяли себе личные отношения помимо общих. И та же самая ФЯ вломила мне на каком-то „откровенном разговоре“ так обидно, оскорбительно. Мне было указано, что я решаю свои личные дела, в то время как столько общих и столько нерешенных. В это время я езжу по каким-то своим делам! В общем, мне было это указано на это очень болезненно. Я потом обижался полгода, наверное. По-настоящему обижался, потому что затронули такое чувство — юношеская любовь. Она прекрасно понимала, что происходит, но считала, что здесь нужно было сдерживаться как-то — вот совершим революцию, тогда женимся»*[3]. В этом фрагменте, также как и в прошлом, речь идет об экономике ресурсов — внимания (направленности мыслей), энергии, времени. Все, что конкурирует с коллективными делами, рассматривается как нарушение,

1 Заметим, что взрослые поддерживали в них эту уверенность.

2 Приведем еще один пример подобной ситуации. На этот раз не из интервью, а из рассказов коммунаров: «На „откровенном разговоре“ *мне выдали, и в первую очередь за то, что не люблю физический труд. Это был мой первый „Спутник“, и работать на нем я действительно не научился. Дома приучен не был. <...> Однажды пошел на хитрость. Предложил на „Огоньке“ свою кандидатуру в оформители — за время работы оформить лагерь. Полдня был просто счастлив, пока не вернулись с работы ребята и не разрушили счастье прозрачной речевкой: Нас мало, мало нас,/Нас мало — /Не хватает среди нас/одного нахала*». Фрунзенская коммуна. С. 134.

3 Интервью №10 (м, прим. 1949 г. р.).

угроза и общему проекту, и коллективу. Общий проект, безусловно, важнее устройства личных взаимоотношений. Даже свое «свободное время» (информант упоминает, что встречи происходили ночью) коммунары не должны тратить на себя. Они не имели права на личную жизнь, потому что тем самым отбирали свои ресурсы (время, энергию) у общего дела. Заметим, что в этом случае участники «откровенного разговора» оценивают поведение друг друга с точки зрения коллективного, а не личного блага. Дело не в том, что «влюбленные» не работали, и за них пришлось работать остальным. Дело в том, что они «выпали» из общей логики: коллективный проект перестал быть для них самым важным.

Время от времени на «откровенном разговоре» возникали конфликты, связанные с недостаточной «активностью» коммунаров: *«Разбирали меня, и вдруг кто-то из ребят <...> говорит, что вот Софка — недостойна. Надо с нее снять звание коммунара! Она в этом не принимала участие! Потом кто-то — может даже не ребята, а ревкомовцы*[1] *— говорит: ну что вы! а зато <...> она этому помогла! Но, все равно, встал этот вопрос, что не подтверждать звание коммунара. <...> И Борис Михайлович Неменский меня спас. Он говорит: ребята, что вы говорите! а вы с другой точки зрения посмотрите! <...> И когда он* (Неменский) *ребятам рассказал, что она душевная, что с ней можно поговорить, что она тебе это сделала, а тебе вот это. Какие-то такие обыденные примеры привел. И все, и все: да! конечно! Правильно! Борис Михайлович сказал правильно»*[2]. Участники этого «откровенного разговора» делятся на две группы: взрослый друг отряда и коммунары. Во время их диалога уточняются понятие коллективного блага. В данном случае, на что и указывает друг отряда, ценности коллектива не были попраны. Наоборот, девочка все время заботилась о других. На этом фоне недостаточная «интеллектуальная» активность (речь идет о неучастии в «творческих делах»)[3] не важна. Забота об общем благе должна проявляться не только в общих делах, но в повседневных взаимоотношениях.

Особые формы общения и контроля, подобные «откровенному разговору» — это механизм поддержания групповой когезии, ритуализованная и одновременно затрагивающая личные отношения демонстрация приверженности общим ценностям и идеалам. Участники таких обсуждений учатся интерпретировать реальность одинаковым образом, вместе разрешая конфликты и вырабатывая

1 Ревкомом в Коммуне называли совет, в который входили друзья Коммуны — взрослые.

2 Интервью № 22 (ж, прим. 1947 г. р.).

3 Творческими делами в Коммуне называли проекты самого разного рода: олимпиады, театральные постановки, игры и т. д.

общие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном.

Использование теоретического инструмента, предложенного А. Макинтайром, позволило нам выделить те сообщества в современном мире, которые можно определить как «героические». Таким сообществам свойственны особого рода коммуникативные практики. Одна из таких практик — «откровенный разговор». Эта теоретическая призма помогла нам увидеть как типологию «откровенного разговора», так и его специфику. Сопоставление этой коммуникативной формы с подобными практиками в других «героических» обществах не только позволило увидеть универсальность ее структуры и функций в этих сообществах, но и отличия, порожденные историческим контекстом.

Очевидное на первый взгляд сходство «откровенного разговора» с такими практиками советского общества, как проработки и чистки, скрывает существенное различие, связанное с разным характером коллектива, практикующего «взаимную критику» и с разными функциями подобных форм в коллективе. Распространение форм коллективной исповеди, практиковавшихся в христианских религиозных сообществах и сходных с ней форм, использовавшихся в коммуне А. Макаренко, на советское общество в целом подменило содержание ритуала и породило новую церемониальную форму. По сути, сравнивая эти формы, можно говорить о разных фреймах коммуникации[1]: в советском обществе в целом этот фрейм предполагает наказание и сведение счетов, в сообществах подобных коммуне — укрепление идентичности и тренировку особого типа зрения.

Библиография

1. *Bettelheim B. The Children of the Dream. Avon Books, 1970.*
2. *Brown P., Levinson S. C. Politeness; Some Universal in Language Usage. Cambridge University Press, 1987.*
3. *Lepage Jean-Denis G. G. Hitler Youth 1922–1945. McFarland & Company, Inc., Publishers. Jefferson, North Carolina, and London. 2009.*
4. *Spiro M. E. Kibbutz. Venture in Utopia. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1975.*
5. *Бартенев В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х гг. // От народничества — к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.). Л., 1987.*

1 О понятии «фрейм» см.: Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта/Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

6. *Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия). 2001.*
7. *Гордеева И. А. Коммунитарное движение в России в последней трети XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: РГГУ, 2000.*
8. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта/Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.*
9. *Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.*
10. *Директивы и документы по вопросам пионерского движения. М.: Издательство академии педагогических наук РСФСР, 1962.*
11. *Иванов И. П. Творческое содружество поколений как условие воспитание юных общественников. Дисс. на соиск. степ. доктора пед. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1972.*
12. *Казакина М. Г. Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности. Дисс. на соиск. степ. кандидата пед. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1967.*
13. *Кемперер В. LTI. Язык Третьего Рейха: Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.*
14. *Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. Серия: Лики культуры, 1994.*
15. *Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.*
16. *Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983.*
17. *Фрунзенская Коммуна. Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими/Сост. С. Соловейчик. М.: Детская литература, 1969.*
18. *Эткинд А. М. The American Connection, или Что делал Рахметов, пока не стал Шатовым // Знамя. 1997. № 1. С. 153–182.*